

22. Проскурина Е. Н., Ермоленко С. Поэтика смерти – воскресения в рассказе В. Набокова «Рождество» // Филологический класс. 2005. № 13. С. 66–70.
23. Свете Тихий // Азбука веры. [Эл. ресурс]: <http://azbyka.ru/svete-tixij> (дата обращения: 25.02.2016).
24. Синёва О. В. Мотивы в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» // Облик слова. Сб. статей / РАН. Ин-т рус. яз. М., 1997. С. 277–289.
25. Славянская мифология: Энциклопедический словарь / под ред. С. М. Толстой. Изд-е 2-е. М.: Междунар. отношения, 2011. 512 с.
26. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общей ред. Н.И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2012. Т. 5. С – Я. 736 с.
27. Словарь символов и знаков. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2006. 240 с.
28. Теонотия // Национальная энциклопедическая служба. [Эл. ресурс]: <http://terme.ru/dictionary/188/word/teonotija> (дата обращения: 25.02.2016).
29. Толстая С. М. Магия обмана и чуда в народной культуре // Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке. М.: Наука, 1995. С. 109–115.
30. Тресиддер Дж. Словарь символов /пер. с англ. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. 448 с.
31. Фрейденберг О.М. Введение в теорию античного фольклора (лекции) // О.М. Фрейденберг. Миф и литература древности. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. С. 5–287.
32. Шелепова Н.В. Особенности проявления мифологического знания в художественном дискурсе // Когнитивные исследования языка. М., Тамбов, СПб., 2015. Вып. 22. С. 130–132.
33. Шохина В. Л. Комментарии // Набоков В. В. Рассказы. Воспоминания. М.: Современник, 1991. С. 627–649.

Купчик Е.В.

Прошлое в русских поэтических текстах: метафорические модели

В статье рассматриваются метафорические и сравнительные конструкции, характеризующие феномен *прошлое*. Материалом для исследования служит корпус фрагментов русских поэтических текстов XVIII–XXI веков. Прошлое предстает как пространство, тьма, свет, ткань, предмет и т.д.

The article considers metaphorical and comparative constructions, characterizing the phenomenon “the past”. The material for the study is corpus of extracts from Russian poetry XVIII–XXI centuries. The past appears as space, darkness, light, fabric, object and so on.

Ключевые слова: поэтический текст, метафорическая модель, сравнительная конструкция.

Key words: poetical text, metaphorical model, comparative construction.

Осмысление феномена времени, начавшееся в глубокой древности, на протяжении веков и вплоть до наших дней является одной из важнейших исследовательских задач. *Время* наряду с *пространством* и *числом* относится к фундаментальным категориям ряда гуманитарных и точных наук (философии, социологии, естествознания и др.), к важнейшим концептам культуры. Как неоднократно отмечалось культурологами и лингвистами, представления о времени являются особо важным компонентом картины мира, составляя «темпоральный образ мира» [1, с. 3]. В.А. Маслова указывает на приоритет концепта *время* (относительно *пространства* и *числа*) как наиболее интересного, сложного и значимого, поскольку именно «сквозь его призму воспринимается

нами все сущее в мире, все доступное нашему уму и нашему истолкованию» [6, с. 77].

Один из вариантов структурирования времени является членение его на прошлое, настоящее и будущее – «три ипостаси времени», по выражению Е.И. Сухиной [10, с. 141]. Данная временная парадигма представляет собой один из важнейших параметров самосознания народа, необходимый элемент системы координат, посредством которой «люди, принадлежащие той или иной культуре, воспринимают мир и создают его» [4, с. 71]. Элементы триады взаимосвязаны и взаимообусловлены, следствием чего является, например, проблема четкого представления о том или ином фрагменте. Вместе с тем каждый из фрагментов, безусловно, может служить самостоятельным объектом описания – как это представлено, например, в работах С.М. Грицкевич [3], С.М. Беляковой [2], О.А. Солоповой [9], Л.К. Халитовой и Э.В. Гариповой [11] и др.

Рассматривая прошлое в аспекте метафорического моделирования, мы обращаем внимание на образные репрезентации концепта, в которых в качестве субъекта сопоставления выступает *прошлое/минувшее/былое*. Материалом для исследования служат фрагменты русских поэтических текстов [5; 7], содержащих метафорические и сравнительные конструкции, представляющие собой реализации разнообразных метафорических моделей (далее ММ).

Представление о времени как *живом существе* (в том числе человеке), глубоко укорененное в народной и поэтической традиции, отражено в ряде ММ, несущих информацию о времени как о человеке, животном, птице и т.д., причем количество частных ММ оказывается весьма значительным, как и разнообразие временных параметров. Модель с объектом «существо» обычно называют основной, поскольку уподобление живому существу «является самым частым в русском поэтическом языке и имеет место почти для всех понятий» [7, с. XXXII]. В отношении же прошлого как фрагмента времени, на наш взгляд, нет особых оснований выделять данную модель как основную: это скорее одно из ведущих сопоставлений. Если ММ *время – существо* и *время – человек* передают представление о времени как активной сущности, проявляющей себя в действии, то *прошлое* в зооморфной или антропоморфной ипостасях выглядит в целом статично, его действия передаются главным образом глаголами речи и восприятия, например: «Но развяжет язык молчаливый гранит – / И холодное прошлое заговорит / О походах, боях и победах» (В. Высоцкий); «Минувшее смотрит вперед / Настороженным глазом подростка в шинели» (И. Бродский). Прошлое-насекомое предстает жертвой человека: «Бабочку прошлого – мы прошлое ранили / Пушкиною» (В. Хлебников). Из возможных объектов сопоставления в ММ *прошлое – божество, мифологическое существо* (бог, сфинкс, циклоп и т.д.) аналогом прошлого является главным образом ангел, оберегающий человека – в непосредственной близости или издалека. Отношение человека к ангелу прошлого двойственно. Например, герой Т. Шаова видит в нем ангела-хранителя, который «стоит за спиною незримо», поддерживая современного человека, находящегося в постоянном стремительном движении. Для героя Е. Рейна очевидно внимание к людям их прошлого – ангела, но непонятны посылаемые им знаки («Жалеет нас, а может, правде учит, / А может, просто что-то говорит»), и человеческая душа должна жить «бесповоротно», без возвращения к былому.

Прошедшее время как существо обладает способностью говорить, петь и молчать. В поэтических текстах разного времени упоминается о «жалобах пережитого» (Б. Пастернак), о «немой речи», о безмолвии былых дней (А. Фет, В. Брюсов) и т.д. Если молчание является своеобразной границей между современностью и минувшим, то звучание прошлого, слышимое в настоящем, предстает подобием моста, соединяющего разные берега, например: «Как бы ауканье лесное / Иль эха чуткого ответ, / Порой доходит к нам бывшее» (К. Случевский). Для героя А. Белого прошедшее и настоящее оказываются неразрывно слитыми: бывшее «песнь всю ту же поет», а окружающий мир вызывает в душе те же чувства, что и ранее. Реализации ММ *прошлое-звук* зачастую характеризуют прошлое как живое существо, обладающее голосом или издающее шум при перемещении, например, «шелест» (М. Волошин).

Прошлое обладает такими свойствами живого существа, как способность сидеть, стариться, погибать. В то же время оно может и оживать под воздействием какого-либо сильного чувства. Например: «И сердце полно, полно прежних лет, / И сильно бьется; пылкая мечта / Приводит в жизнь минувшего скелет, / И в нем почти все та же красота» (М. Лермонтов); «Твой вид тогда почиющую силу / В моей груди пустынной пробуждал / И всю прошедшего могилу / С его блаженством раскрывал» (В. Бенедиктов).

Говоря о фольклорных корнях образов времени в картине мира, представленной в русских художественных текстах, Н.С. Попова пишет: «Изредка поэты видят в каком-то количестве лет пространство...» [8, с. 51]. Наши данные показывают, что в текстах русских поэтов ММ *прошлое – пространство* проявляет себя не *изредка*, а достаточно часто. Земное, водное, воздушное пространство как объект сопоставления для прошлого предстает и в целом, как таковое, и в виде своих частных проявлений.

ММ *прошлое – земное пространство* реализуется главным образом в сопоставлениях минувшего с ровной (или относительно ровной) поверхностью: это равнина, долина, низина, поле и т.п. Отличительная особенность этого пространства – значительная протяженность, широта горизонтов: авторы неоднократно используют применительно к прошлому лексемы со значением далекого расстояния, например: «Годов седеющая даль / Покрыта мраком и молчаньем» (А. Блок); «Прошедшее, как дно морское, / Узором стелется вдаль» (В. Брюсов); «И что за даль видна за маленьким окном – / В моем свершившемся, чарующем былом!» (К. Случевский).

Пространство прошлого может представляться пустым, незаполненным, на котором нет «ни креста, ни бревна, ни полена» (Л. Мартынов), но чаще всего содержит нечто важное для героя. То, что обнаруживается в пространстве прошлого, вряд ли исчислимо: минувшие события, впечатления и т.д. различны по значимости, «объему» и многим иным параметрам. Оглядываясь на прошлое, герой может увидеть там нечто значительное – например, «аллею подвигов прекрасных» (Г. Державин) или памятные даты, встающие над ровной поверхностью, «как исполины» (Л. Мартынов). Объектом внимания героя становится и нечто, на посторонний взгляд, незначительное – как герой Б. Рыжего: «Хожу по прошлому, брожу, как археолог. / Наклейку, марку нахожу, стекла осколок...». Мотив перемещения не только в пространстве прошлого, но и по этому пространству повторяется в старой и новой поэзии. Освоение такого про-

странства может сопровождаться разного рода находками как результатом целенаправленного поиска или случайного обнаружения. Отметим, что разными авторами применительно к движению в пространстве минувшего времени используются формы глагола «бродить», обозначающего, согласно данным словарей, медленное перемещение, совершающееся в разное время, в разных направлениях. Такое движение может не быть связанным с реальным перемещением; оно совершается в воображении статичного героя, например: «Подолгу я смотрю в камин, / Мой самодельный, закопченный, / Брожу по прошлому один, / Мурлыча песни, кот ученый» (Г. Сердитов). Традиционной является и ситуация обусловленности «путешествия в прошлое» реальным перемещением в пространстве – как, например, во «Флорентийских факелах» А. Вознесенского. Увиденный героем итальянский город с его палаццо («Я знаю их, я их калькировал») пробуждает воспоминания о юности: «Ты – калька с юности, Флоренция! Брожу по прошлому!». Отражение горящих факелов в черной воде реки вызывает ассоциации со сменой времен: «...Как будто в огненных подфарниках / Несутся в прошлое машины». Наличие дорог, ведущих в прошлое и из прошлого, – дополнительное подтверждение «пространственности» данного временного фрагмента.

Прошлое может оказаться и опасным пространством – местом, в котором человек может заблудиться, сбившись с пути, а также погибнуть от взрыва мины. Если словосочетание «заблудиться в прошлом» является достаточно распространенным в текстах разного рода, в том числе и поэтических, то «минное поле прошлого» – авторская метафора В. Высоцкого. В тексте песни «Зарыты в нашу память на века...» отражено поэтическое совмещение названных опасностей. Поскольку «поток годов унес с границы / Стрелки – указатели пути», велика вероятность затеряться в пространстве прошлого и не найти обратной дороги; бедой может обернуться и попытка потревожить это пространство: «В минном поле прошлого копать / Лучше без ошибок». Ср. в написанном много лет спустя: «Не пытайся копать в прошлом: тут повсюду зарыты мины» (С. Дягелев).

Пространство прошлого имеет и вертикальное измерение, характеризуясь как нечто глубокое. В текстах А. Пушкина, А. Белого, Е. Баратынского, А. Майкова, К. Случевского, и других авторов применительно к минувшему используется метафора «бездна» – лет, веков и т.д., иногда с определениями, не характерными для соответствующего слова в прямом значении: «бледная», «туманная» и др. Характеристика прошлого как пространства по вертикали представлена в словосочетаниях типа «глубь веков», «глубина минувших лет», которые сами по себе достаточно стандартны, однако в поэтическом тексте зачастую «овеществляются» тем или иным образом (указанием на свойства этой глубины, на ее опасность для человека и т.п.). Например, герою В. Брюсова, взвешивающему на прошлое с высоты полета, оно представляется именно безднами, открытыми для взгляда. В. Хлебников создает образ настоящего как отвесной стены (по которой взбирается страна) над «мрачной пропастью» прошедшего («Пришедший Сам»).

Представление о прошлом как земной поверхности отражено в контекстах, характеризующих перемещение минувшего или его отъединение от некоего временного целого. Например, прошлое оказывается просыпанным «сквозь пальцы, как песок» (В. Шаламов); прожитый день отваливается, как отрезок «громадной дороги, мощенной гранитом» (А. Белый), или отрезается: «Спине

вашей зябко и плоско, / Как будто отхвачено заступом / И брошено на берег прошлое» (А. Вознесенский).

ММ *прошлое – вода* реализуется в сопоставлениях, объектами которых являются представители водной стихии, разнообразные по масштабу и состоянию. Пушкинский Пимен указывает на изменение характера прошлого в зависимости от его удаленности от повествователя: «Давно ль оно неслось, событий полно, / Волнуясь, как море-окиян? Теперь оно безмолвно и спокойно». Уподобления прошлого волне (волнам), водным потокам содержат характеристики этого времени по цвету, форме, особенностям движения и т.п. «Беспощадные волны былого» губят любовь (С. Надсон) и сами теряют целостность: прошлое вспоминается как «порывы разбрызганных дней», разбитая волна» (В. Набоков)

Воздушное пространство как поэтический аналог прошлого представлено в поэтических текстах в основном образами дыма, дымки, мглы и тумана. Различные по причинам возникновения (дым – летучие продукты горения с частицами угля; дымка – легкая, подобно дыму, застилающая пелена чего-либо; мгла – непрозрачный воздух; туман – воздух, насыщенный парами, делающими его непрозрачным, а также загрязненный пылью и т.п.), они обладают общими свойствами: препятствуют отчетливости видимого, скрывают и размывают контуры, детали. Поэтому в одном контексте могут соседствовать разные метафорические обозначения – как, например, в «Заре на закате» Ф. Сологуба: «Покровы тумана, / Дымы былей сгоревших – / Для нас только тайна». Преодоление непрозрачности воздушного пространства возможно путем освоения его героем, освещения каким-либо источником света, например: «Плыву туда – за дымку дней – зову, / За дымкой дней, – нет, не тебя: былое» (А. Белый); «И яркие лучи святого вдохновенья / Прорежут древности туман» (Н. Языков). Образ дыма прошлого неоднократно встречается в поэтических текстах в связи с мотивом разрушения, уничтожения. Таков, например, «Заброшенный дом» А. Белого: герою тягостно видеть разрушенную башню, облупившийся герб, пыль и запустенье: «Былое, как дым... И жалко».

ММ *прошлое – ткань* представлено реализациями нескольких частных ММ, объектами сопоставления в которых являются полотнища, закрывающие или отделяющие что-либо, а также предметы одежды. Минувшее – завеса, полог, рубище с «заплатами воспоминаний» (К. Фофанов), сброшенная шуба (Л. Мартынов) и др. Избавление от прошлого-одежды может быть выражением стремления человека жить настоящим. Например, для героя стихотворения В. Брюсова «В первый раз» важен «между “ было “ и “ будет “ зажегшийся миг»; прожитые годы предстают «пустой одеждой», которую хочется сбросить, а также прочитанными книгами, содержание которых уже не представляет интереса.

Упомянутое сопоставление является одной из реализаций ММ *прошлое – информация*. В русской поэтической традиции минувшее предстает в образах печатных или рукописных текстов, запечатленных на бумаге, пергаменте, досках и т.п. Эти произведения в зависимости от отношения героя к былым дням являются либо объектом пристального внимания (позитивного или негативного), либо игнорируются как не вызывающие интереса. Былое представляется документальным или художественным произведением: это летопись, преданье, повесть, «прочитанный восторженный роман» (В. Брюсов) и др. Минувшее не дает о себе забыть, оно позволяет «прочесть» себя, оживая в памяти, например:

«Дней прошлых свитки развернулись» (П. Вяземский); «Душа читала по складам / Былого темный свиток» (К. Фофанов); «Вы вновь слагаетесь, разбитые скрижали / Полузабывшихся, но не пропавших дней» (К. Случевский). «Прочтение» былого зачастую вызывает в душе печаль, сожаление о том, что невозможно исправить, а иногда и разочарование в жизни. Например, героем К. Фофанова прошлое воспринимается как «разгулом и стыдом запятнанная повесть»; лермонтовский герой, анализирующий прожитое, приходит к неутешительному выводу: «Страницы прошлого читая, / Их по порядку разбирая, / Теперь остынувшим умом / Разуверяюсь я во всем» («Валерик»). Предостережение «Книги прошлого не тронь, не раскрывай!», прозвучавшее в душе героя В. Бенедиктова по поводу его желания вспомнить «минуту чудную одну», мотивируется тем, что прикосновение к прошедшему умножает печали человека («К.»).

ММ *прошлое – свет* представлена реализациями, отражающими образ минувшего как излучения от естественного или искусственного источника. Такие сопоставления несут информацию о прошлом как о том, что отмечено доброй памятью. Минувшее «пленительно промчалось метеором» (А. Фет), «блещет меж горестных туч» (И. Козлов), горит восковой свечой (В. Набоков), голубоватый свет прошедшего имеет «цвет взглядов юности» (К. Случевский). Реализации данной ММ в количественном отношении уступают реализациям «парной» ММ *прошлое – тьма*, представленной сопоставлениями былого с тьмой, темнотой, мраком, а также полутьмой – сумраком. Соответствующие метафорические и сравнительные конструкции, сближенные в смысловом отношении с реализациями ММ *прошлое – дым, туман, мгла*, отражают представление о минувшем как о чем-то непроницаемом (или мало проницаемом) для взгляда. «Темень былого» (К. Случевский), «былого холодная тьма» (К. Фофанов) скрывает прожитое и пережитое, процесс удаления в прошлое описывается как уход в темноту, например: «С годами в сумрак отошло... его чело» (А. Белый). Вместе с тем ушедшее во тьму способно вновь явиться на свет: «С волшебной силою из сумрака былого / Передо мной ваш образ восстает» (А. Апухтин); «Дни гордых порывов, великих надежд / Выходят из мрака былого» (Л. Якубович) и др. Мрак прошлого может освещаться мыслями, чувствами, особыми состояниями души: мысль, например, «потьмы веков пронзает орлим оком» (С. Шевырев), воспоминания «как молнии, сверкают» (Е. Розен), вдохновение зажигает зарю «над темнью годов» (К. Случевский).

Помимо рассмотренных ММ, реализации которых отличаются значительной частотностью и распространенностью, в русских поэтических текстах выделяются модели, либо реализующие себя в рамках одной-двух частных ММ, либо представленные незначительным количеством реализаций. К числу первых относится ММ *прошлое – ментальное*: из всех возможных в области ментального объектов сопоставления аналогом минувшего является сон – «сон давних дней» (И. Бунин), «прошлого невозмутимый сон» (К. Фофанов) и др. Сравнительно невелико количество реализаций ММ *прошлое – орган, прошлое – музыка, прошлое – растение, прошлое – предмет, прошлое – стихия* и др.

Внимание поэтов к образной репрезентации прошлого иногда проявляется в актуализации разных ММ в пределах одного произведения. В тексте песни В. Высоцкого «Зарыты в нашу память на века...» отмечены реализации следую-

щих ММ: *прошлое – пространство* («Очень просто в прошлом заблудиться», «в минном поле прошлого»); *прошлое – драгоценное* («И прошлое лежит, как старый клад, / Который никогда не раскопают»); *прошлое – вместилище* («Осторожно с прошлым, осторожно – / Не разбейте глиняный сосуд»). Прошлое, таким образом, оказывается одновременно безграничным и замкнутым, опасным и уязвимым, требующим внимательного отношения. Л. Мартынов представляет прошлое в образах запорошенного снегом пространства, медведя, вставшего на дыбы и убитого героем, а впоследствии – медвежьей шубы. В любой своей ипостаси прошлое заставляет с собой считаться: «Не ты ль висишь, на вешалку повешенное, о прошлое, и грешное и бешеное? / Но можно ли тобою пренебречь?» («Прошлое»). Определение прошлого, даваемое С. Кековой, включает перечень объектов, посредством которых передается образ прошлого как кары: «Нет у прошлого щупалец – / это не спрут, это прут, / это бич окровавленный Божий, / бьет наотмашь, / гадюкой свернется под кожей, / укусившей свой собственный хвост» («Нет у прошлого щупалец...»). Завершающее данный фрагмент уподобление прошлого уроборасу – свернувшейся в кольцо змее, кусающей себя за хвост – мотивировано, возможно, таким из значений древнего символа, как образ вечности.

Обращение к современным поэтическим текстам приводит к выводам об устойчивости ряда традиционных ММ. Интернет-сайты русской поэзии [13; 14] содержат огромное количество стихотворных текстов, существенно различающихся и по художественным достоинствам, и по уровню профессионализма их авторов, и по иным критериям. Одним из параметров «стихового пространства» служат метафорические модели, обеспечивающие «единство нашего духовного мира, взаимопонимание и преемственность в культуре» [7, с. XXIX], в том числе ММ прошлого. Наблюдения показывают, что практически все традиционные ММ прошлого оказываются так или иначе востребованными современными авторами.

Отметим, что одним из важных отличий старой и современной поэзии в области метафорического моделирования является опредмечивание субъекта сопоставления. Если в классической русской поэзии уподобление прошлого какому-либо конкретному предмету представлено незначительным количеством реализаций, то современные авторы значительно расширяют соответствующую сферу, в том числе и по сравнению с серединой XX века, когда, собственно, и оформляется ММ *прошлое – предмет*. Приведем некоторые примеры: прошлое – «лист вчерашний, / что выцвел...», «парусник бумажный» (Е. Кобыльникова); «сачок», которым ловят человека-бабочку (Н. Коноплева-Юматова); «Прошлое – как древняя икона, / Что висит над пламенем свечи, Как звезда на выцветших погонах, / Как сухарь, забытый на печи» (П. Галагьянц). Амбивалентность прошлого находит отражение в образе прошлого как якоря – с одной стороны, препятствующего движению, «как цепи на ногах» (И. Гоношилина), с другой – не дающего «сорваться под откос» (В. Пономарев).

Амбивалентность прошлого отражена в повторяющемся у разных авторов сопоставлении с вместилищем чего-то не лишнего ценности, но при этом обременяющего, например: «Груз прошлого – что чемодан без ручки: / И бросить жаль, и вынужден нести» (Л. Грушевская). Автор «Груза прошлого» прак-

тически не касается ценностной составляющей прошлого, обращая внимание исключительно на неудобства, доставляемые человеку этим «чемоданом»: «Сизифов труд без толку и отдачи....А жизнь могла сложиться бы иначе, / Не потяни нас прошлое назад». Стихотворение Л. Микельсона «Груз прошлого, без ручки чемодан» можно рассматривать как своеобразную полемику с автором предыдущего текста. Вслед за начальными строками «Как чемодан без ручки – так тяжело тащить, / И жаба душит выбросить на свалку», отражающих ММ *прошлое – вместилище*, следуют реализации ММ *прошлое – ментальное* и *прошлое – информация*, а также «вкусовые» характеристики того, что связано с пережитым («Сладят, горчат, кислят воспоминанья»). Причина невозможности избавления от груза раскрывается в последних строчках посредством реализации ММ *прошлое – существо*: «А где-то там внутри, клубком согнувшись, спит / Мурлычащее прошлое, пригревшись теплой кошкой».

К. Ясперс отмечал, что прошлое существует в нашей памяти «лишь отрывками», будущее предстает темным, а ясное представление о настоящем может быть только «при полном знании прошлого, которое служит ему основой, и будущего, которое таит его в себе» [12, с. 141]. Познание прошлого, в том числе и посредством рассмотрения его образных воплощений, представляется задачей интересной и важной – как и получение знаний о настоящем и попытки постижения будущего.

Список литературы

1. Белякова С.М. Образ времени в диалектной картине мира. Тюмень; ТюмГУ, 2005. 264 с.
2. Белякова С.М. Прошлое и будущее в диалектной картине мира // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2005. № 2. С. 72–82.
3. Грицкевич С.М. Концепт «будущее» в диалектном дискурсе // Вестник Псковского гос. ун-та. Серия «Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки». № 13. 2011. С. 138–146.
4. Гуревич А.Я. Время как проблема истории культуры // Вопросы философии. 1969. № 3. С. 70–81.
5. Иванова Н.Н. Словарь языка русской поэзии. Образный арсенал русской лирики конца XVIII – начала XX вв. М., 2004. 666 с.
6. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта: Наука. 2007. 296 с.
7. Павлович Н.В. Словарь поэтических образов: в 2 т. М.: Эдиториал УРСС. 1999. Т. 1.
8. Попова Н.С. Фольклорные истоки образов времени в русской художественной картине мира // Вестник Тамбовского ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2009. Вып. 2 (70). С. 46–51.
9. Солопова О.А. Метафорическое моделирование образов «прошлого», «настоящего» и «будущего» в дискурсе парламентских выборов России (2003 г.) и Великобритании (2001 г.): автореф дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 24 с.
10. Сухина Е.И. Три ипостаси времени: прошлое, настоящее и будущее в современном русском самосознании // Вестник МГУ. Серия 19. 2005. № 1. С. 141–154.
11. Халитова Л.К., Гарипова Э.В. Концепт «прошлое» в русской мужской концептосфере: диахронический аспект // Перспективы развития современной филологии: сб. науч. ст. СПб.: Айсинг, 2014. С. 36–40.
12. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.
13. Стихи.ру: Интернет-портал. [Эл. ресурс]: <http://stihi.ru/>
14. Стихи русских поэтов. [Эл. ресурс]: <https://yandex.ru/?text>

Прагмасемантические конверсивы как эмотивные операторы текста и дискурса*

Статья посвящена прагмасемантическим конверсивам – словам нормативного языка, потерявшим свою семантику и выполняющим в дискурсе и тексте особые прагматические функции. Прагматизация знака – это конверсивный процесс, когда закрепленные в языке конвенциональные формы (символы) превращаются в речи в контекстно обусловленные знаки-индексы, значение которых зависит от ситуации употребления. Интеръективные дискурсемы выполняют интерактивные функции внутри речевого взаимодействия, обеспечивают вхождение в контакт, выход из контакта, поддержание контакта (feed back, silence fillers, etc.), связь высказываний между собой, их иллокутивное согласование и т.д. Дискурсемы маркируют отношение говорящего к пропозициональному плану речевого взаимодействия. Функции (значения) дискурсивных элементов рассматриваются в статье как операции над смыслом целого высказывания, помещенного в контекст речевого взаимодействия.

The article is devoted to pragma-semantic conversive items – words of normative language that has lost its semantics and perform in a discourse and text the special pragmatic functions. The pragmatization of the sign is conversely process, when the conventional language forms are transformed into context dependent signs-indices. These items perform interactive functions within speech realization (feed back, silence fillers, etc.), connect statements to each other; provide their illocutionary coordination, etc. They mark the attitude of the speaker to the propositional plan of language interaction. These discursive elements are considered in the article as operations on the meaning of the whole utterance, placed in the context of speech interaction.

Ключевые слова: прагмасемантические конверсивы, дискурсемы, интерактивные функции, прагматические операторы, прагматика текста и дискурса.

Key words: pragma-semantic conversive items, discursive connectors, interactive functions, pragmatic operators, pragmatic aspects of text and discourse.

Под прагмасемантическими конверсивами (далее – ПСК) мы понимаем языковые и речевые единицы, в которых конвенциональная семантика уступает место, как правило, окказиональной, прагматической функции. В этом случае семантика противопоставляется употреблению, и тогда говорят о семантическом сдвиге (переосмыслении) или окказиональном, часто десемантизированном употреблении.

Существуют, как известно, речезыковые единицы, у которых значение (семантика) равно употреблению (прагматика). Это семантически малопрозрачные формы, образующие традиционно выделяемые функциональные классы, или лексико-функциональные категории, как то: междометия, частицы, речевые/дискурсивные слова, скрепы ... и проч.: *ой/ой-ей, ой ли, ай-ай, ну, так, так-так, просто, таки, прямо, как бы, действительно, непосредственно, скажем так* и т.д. На самом деле функционально их объединяет модальность (В.В. Виноградов), модусность (Ш. Балли, В.Г. Гак), некая избыточность по отношению к пропозиции, с одной стороны, и их исконная «текстовость», дискурсивность, способность служить коннекторами, связывающими синтагматику с вертикальными, парадигмальными контекстами – смыслами, пронизывающими

* Статья выполнена при поддержке РГНФ (проект 14-04-00029).